

Книга-откровение, способная сравниться с «Лолитой»!
Связь пятнадцатилетней Теа с ее двоюродным братом не могла долго оставаться в тайне. Чтобы избежать скандала, родители принимают решение отправить дочь в закрытую школу верховой езды для девушек. Освободившись от родительской опеки и оказавшись в мире, полном красоты и романтики, Теа открывает для себя ту сторону жизни, о которой умалчивают школьные учебники. Знакомство с директором школы мистером Холмсом перерастает в бурный роман. Влюбленные по-настоящему счастливы, но какую цену им придется заплатить за свою страсть, когда всем станет известно об их отношениях?

Когда я в следующий раз увидела мистера Холмса, он снова провел меня в свой кабинет и закрыл за нами дверь. Я потянулась к нему, но он перехватил мою руку на полпути. И даже это касание его пальцев привело меня в восторг.

Он держал мою руку, как будто останавливая ребенка. Я понимала, что он делает. Он спрашивал, не хочу ли я остановиться. Но я не хотела останавливаться... Я поцеловала его, и мысль о том, что мы можем остановиться, что мы больше не будем прикасаться друг к другу, растаяла, как облачко дыма.

ISBN 978-5-9910-2424-2

9 785991 024242

www.ksdbook.ru

ISBN 978-966-14-5196-3

9 789661 451963

www.bookclub.ua

НАЕЗДНИЦЫ

Энтон Дисклофани

Энтон
Дисклофани

НАЕЗДНИЦЫ

В вихре необузданных желаний...

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

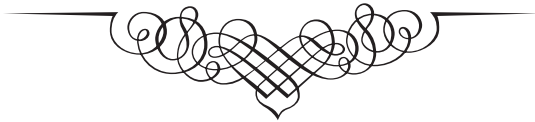
*Этон
Дисклофани*

НАЕЗДНИЦЫ

*Anton
DiSclafani*

THE
YONAHLOSSEE
RIDING CAMP
FOR GIRLS

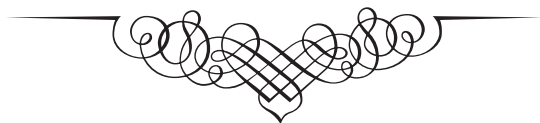
A Novel

Энтон
Дисклофани

НАЕЗДНИЦЫ

Роман

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
БЕЛГОРОД **СЕМЕЙНОГО**
2013 **ДОСУГА**

УДК 821.111(73)
ББК 84.4США
Д48

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии The Andrew Nurnberg Literary Agency

Переведено по изданию:
DiSclafani A. The Yonahlossee Riding Camp for Girl : A Novel /
Anton DiSclafani. — New York : Riverhead Books, 2013. — 400 p.

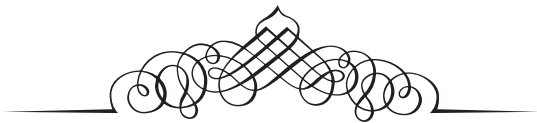
Перевод с английского *Елены Боровой*

Дизайнер обложки *Наталья Переверзева*

ISBN 978-966-14-5196-3 (Украина)
ISBN 978-5-9910-2424-2 (Россия)
ISBN 978-1-594-48640-1 (англ.)

© Anton DiSclafani, 2013
© Shutterstock.com / Angela
Hawkey, обложка, 2013
© Nemiroltd, издание на рус-
ском языке, 2013
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформ-
ление, 2013
© ООО «Книжный клуб «Клуб
семейного досуга»», г. Бел-
город, 2013

Посвящается Мэту

Глава первая

Мне было пятнадцать лет, когда родители отправили меня в конный лагерь для девочек Йонахлосси. Лагерь находился внутри Дуюшей Скалы, скрытой в горах Голубого хребта в Северной Каролине. Можно было проехать возле самой расщелины, ведущей в лагерь, и ничего не заметить, если только не присматриваться, притом очень внимательно. Отец проехал мимо четыре раза, прежде чем я указала ему, где сворачивать.

Отец привез меня в Северную Каролину из Флориды на машине. Родители недостаточно мне доверяли, чтобы позволить проделать этот путь самостоятельно на поезде.

В последний день мы миновали предгорья и ехали по горным дорогам, что значительно замедляло наше продвижение. Дорога была очень узкой и казалась заброшенной. Она все время петляла и поворачивала под резкими и совершенно неожиданными углами.

Во время поездки отец почти не разговаривал. Он считал, что водитель должен все свое внимание сосредоточивать на дороге. Свою первую машину, «крайслер родстер», он купил пятью годами ранее, в 1925 году, так что вождение было для него скорее новшеством, чем привычкой. В первый вечер мы остановились в Атланте, и после того, как мы зарегистрировались в гостинице, отец попросил меня надеть красивое платье. Я выбрала шелковое платье лавандового цвета с заниженной талией и розочками

на плече. Еще я набросила на плечи мамин норковый палантин, который взяла с собой, невзирая на ее просьбу не делать этого. Когда я была маленькой, мне позволялось надевать этот палантин в особых случаях — на рождественский обед, пасхальный завтрак — и я привыкла считать этот мех своим. Но, надев теперь, я сочла его обузой. Он был слишком элегантен для меня, а я была для него слишком юной. Разумеется, дело было вовсе не в наряде, а в моем собственном теле, которое заставляло меня испытывать подобные ощущения. Я еще не привыкла к своей нежной груди, а моя походка и манера держаться выдавали во мне совсем незрелую девушку. Отец в своем сером костюме в тонкую полоску выглядел как обычно, не считая того, что в нагрудный карман пиджака он сунул носовой платок цвета лайма. Не современного ядовито-флуоресцентного оттенка. В то время мы ничего не знали о таких цветах. Нет, я имею в виду цвет настоящего лайма, яркий и нежный одновременно.

Перед тем как войти в ресторан, я взяла отца под руку, как это обычно делала мама, и он удивленно посмотрел на меня. Я улыбнулась, пытаюсь не расплакаться. Я продолжала лелеять надежду, что отец не оставит меня в Северной Каролине, что он задумал что-то другое. Мои глаза распухли после двух недель непрерывного плача, а я знала, что отец не выносит слез.

Эти события происходили в самый разгар Великой депрессии, но моя семья тогда не пострадала. Отец был врачом, а люди всегда готовы расставаться с деньгами ради собственного здоровья. Кроме того, у нас был и семейный капитал, который мог бы выручить родителей в случае чего. Но это может произойти только когда пациенты отца настолько обеднеют, что не смогут оплатить его услуги даже фруктами из сада. Я столкнулась с последствиями Депрессии, уже вернувшись из Йонахлосси. Когда я уезжала, все было совершенно иначе.

Я редко покидала дом. Мы жили в крохотном городке в Центральной Флориде, названном в честь давно умершего индейского вождя. Поскольку кондиционеров у нас тогда не было

и в помине, летом даже в доме было невыносимо жарко. Зато зимы радовали свежестью и прохладой. Зимы там были просто идеальны, поэтому все мирилось с летним зноем. Мы редко видели своих соседей, но дома у меня было все, в чем я нуждалась. У нас была тысяча акров собственной земли, и иногда я уезжала рано утром на своем пони, Саси, прихватив с собой только пакет с ланчем, и возвращалась к заходу солнца, к обеду, не встретив за целый день ни единого человека.

Я забыла упомянуть своего брата-близнеца Сэма. Он был для меня самым главным в жизни.

В ресторане отеля мы с отцом заказали бифштекс из вырезки и жареную свеклу. Главным украшением зала были высокие зеркальные окна от пола до потолка. Когда я попыталась выглянуть наружу, на тихую вечернюю улицу, я увидела лишь расплывчатое отражение неуклюжей девочки в платье лавандового цвета. Кроме нас там больше никого не было, и отец дважды похвалил мое платье.

— Ты выглядишь прелестно, Теа.

При рождении мне дали имя Теодора. Это традиционное для нашей семьи имя. Говорят, что его сократил Сэм, когда нам было по два года. Свекла была невкусной, и мне казалось, что я испачкала ею язык. Я ела и старалась не думать о том, что сейчас делает мой брат.

Отец снова сказал, что в лагере я буду ездить верхом каждый день, кроме воскресенья. Я его поблагодарила. Саси остался во Флориде, но я все равно его уже переросла. Сидя в седле, я задевала его локтем. Но сейчас мысли о моем хорошеньком, как будто раскрашенном, пони причиняли мне ужасную боль.

Мама всегда восхищалась мастью Саси, потому что его шкуру равномерно покрывали черные и белые пятна. Я вспоминала его глаза. Один глаз был синим, а второй — карим, что для лошадей не такая уж редкость. Если глаз окружала белая шерсть, он мог быть синим, а если черная, то карим.

Во время этого последнего совместного обеда мы почти не разговаривали. Я еще никогда не обедала наедине с отцом.

С мамой — да, несколько раз, и с Сэмом, конечно, тоже. Но с отцом это было впервые. Я не знала, что ему говорить. Ввиду того, что столько несчастий обрушилось на нашу семью, я вообще боялась раскрывать рот.

— Ты скоро вернешься домой, — сказал отец, когда нам подали кофе и крем-брюле. — После того, как все утрясется.

Настала моя очередь изумляться поведению отца. Я поспешно глотнула кофе и обожгла губы. Раньше мне позволяли только пробовать кофе из маминой чашки. Отец редко говорил о неприятностях какого бы то ни было рода. Возможно, именно поэтому я так мало знала о Депрессии.

Он улыбнулся мне своей доброй полуулыбкой, и я почувствовала, что мой взгляд теплеет. Когда улыбалась мама, становились видны все ее зубы. Ее лицо как будто светилось. Чтобы заметить улыбку отца, к нему необходимо было внимательно присматриваться. И сейчас эта улыбка означала, что, несмотря на все, что я сделала, он продолжает меня любить. Я хотела, чтобы он сказал мне, что все будет хорошо. Но отец не был лжецом. И я знала, что ничто и никогда уже не будет хорошо. Это было просто невозможно.

Ни одно свое жилище я не любила так, как наш первый дом, дом, где я родилась и где жила, пока не случилась эта беда. Вы можете отмахнуться от этих слов и сказать, что я была очень привязана не к дому, а к живущим там людям — маме, отцу и брату. И это действительно так, я и в самом деле их очень любила. Но я не могу вспомнить своих родных, не вспоминая сад, где они гуляли, застекленные террасы, где они любили читать, спальни, где они отдыхали. Я любила дом отдельно от моих близких. Я его знала, он знал меня, и мы находили друг в друге успокоение. Как ни абсурдно это звучит, но в нем была какая-то магия.

Не буду скрывать, мне было так же грустно расставаться с домом, как и со своей семьей. Я никогда не разлучалась с ним больше чем на несколько ночей и в глубине души знала, что, когда я вернусь, все будет иначе.

Я знала, что тоже стану другой. Когда родители встретили меня на вокзале в Орландо, к ним вышел совершенно новый человек.

Я покинула свой дом, свой очаровательный дом, и меня отвезли в лагерь Йонахлосси, анклав для богатых юных леди, в котором в ожидании замужества работали выпускницы этого же лагеря.

В лагере Йонахлосси я, как принято говорить, достигла своего совершеннолетия.

Но тогда я не знала об этом месте совершенно ничего, не считая того, что родители решили отправить меня туда, чтобы избавиться от необходимости меня видеть. Когда мы приехали, уже стужались сумерки. Я всегда ненавидела это время суток. Оно какое-то чересчур тоскливое. Длинная усыпанная гравием дорога, над которой смыкались ветви огромных дубов, показалась мне бесконечной. Я подумала, что пройдет много недель, прежде чем я проделаю обратный путь.

Отец крепко сжимал руль и шурился, внимательно глядя на дорогу. Впрочем, он всегда был сосредоточен на том, что делал. Мы въехали на площадь (позже я узнаю, что она так и называется — Площадь), окруженную обшитыми березовыми досками домиками, и отец начал разворачиваться. Я огляделась, ожидая увидеть других девочек, но нигде никого не было. Я распахнула свою дверцу.

— Теа! — окликнул меня отец, но я не обратила на это внимания и выскочила наружу.

Земля под ногами была глинистой и нисколько не походила на иссушенную летним зноем почву Флориды. В воздухе пахло сыростью, но совсем не так, как возле океана. Во Флориде океан всегда близко, даже если до него несколько часов езды, как, например, от нашего дома. Здесь нас со всех сторон окружали горы.

Я всматривалась в здание, перед которым мы остановились, пока отец возился с машиной. Он ни за что бы ее не оставил, не убедившись, что все сделано как положено. Даже сейчас.

Я еще никогда не видела таких домов, как этот. Он был наполовину встроен в гору. Сваи, подпиравшие его переднюю часть, напоминали ноги лошади — они были такими же длинными и с виду неустойчивыми. Казалось, они не способны выдержать такой вес. Всегда, глядя на это здание, я думала, что оно непременно когда-нибудь рухнет. И лишь много позже наш директор скажет мне, что на самом деле это самая надежная для гор конструкция. Но я ему все равно не поверила.

Поскольку было воскресенье, в лагере уже пообедали, но я этого тогда не знала, и мне стало страшно и тоскливо. Это не было моим домом, и рядом не было моей семьи.

К нам подошел какой-то мужчина. Он возник как будто из ниоткуда. Он протянул отцу руку, не дойдя до нас не меньше десяти или двенадцати футов — слишком далеко, чтобы обменяться рукопожатием. На мгновение мне показалось, что он похож на моего брата.

— Я Генри Холмс, — представился мужчина на ходу. — Директор.

Первое, что я подумала о Генри Холмсе: «Какая же у него странная должность!» Я не знала, что в летних лагерях есть директора. Подойдя к нам, он сначала пожал руку отцу, а затем взял меня за кончики пальцев и слегка поклонился. Я наклонилась в ответ голову.

— Теа, — произнес отец. — Теодора, но зовите ее Теа.

Я кивнула и покраснела. Я не привыкла иметь дело с незнакомцами, к тому же мистер Холмс был очень привлекательным. У него были блестящие темные волосы, которые не мешало бы немного подстричь. Рукава рубашки он аккуратно закатал. Теперь, когда он стоял рядом, я увидела, что на самом деле он ничуть не похож на Сэма. У Сэма открытое веселое лицо с круглыми зеленовато-кариими глазами, как у мамы. Сэм всегда выглядел доброжелательным и спокойным. Мистер Холмс был слегка напряжен. Он задумчиво смотрел на нас, сжав губы. И он был мужчиной — на его щеках и подбородке пробивалась щетина. Мой брат был мальчиком.

Тогда я была готова увидеть черты Сэма в ком угодно. Я взяла с собой один из его украшенных монограммой платков. Так делали взрослые в тех книжках, которые я читала. Они давали своим любимым что-нибудь на память о себе. Но, разумеется, Сэм мне ничего не дал. Я сама взяла платок. И сейчас он лежал у меня на груди под платьем, и, кроме меня, ни один человек в мире об этом не знал. Я прижала ладонь к животу и посмотрела мистеру Холмсу в глаза, как учила меня поступать с незнакомцами мама. Я не могла вспомнить ни одного мужчину, который не был бы моим родственником, хотя, наверняка, я с такими встречалась.

— Нам очень приятно, что ты решила к нам присоединиться, — произнес он.

Мне показалось, что, когда он заговорил со мной, его голос смягчился, как будто он пытался выразить свое сочувствие не самими словами, а тоном, каким он их произнес. Я ответила, что мне тоже очень приятно. Должно быть, он догадался, что только неприятности могли привести меня в лагерь в середине сезона. Мне хотелось знать, как столь поздний приезд объяснил ему отец.

Вслед за мистером Холмсом мы поднялись по высокой лестнице в Замок. И хотя я еще не знала, что именно так называется это странное здание, я подумала, что своей внушительностью и строгостью линий оно напоминает крепость. Лестница не была покрыта дорожкой. Должно быть, недавно прошел дождь, потому что доски были скользкими, так что приходилось ступать очень осторожно. Газовые фонари висели по обе стороны двери на верхней площадке. Под стеклянными колпаками ровно горели два совершенно одинаковых красно-оранжевых язычка пламени. Мистер Холмс открыл тяжелую дубовую дверь, темно-синюю с желтым ободком — цвета лагеря, — и провел нас через просторный зал, напоминающий и столовую, и часовню.

У эркерного окна мистер Холмс на мгновение остановился.

— Это так не похоже на Флориду! — вздохнул отец и улыбнулся мне.

Я видела, что он страдает. В последний год у него начали сесть виски, и я вдруг осознала, что отец скоро станет старым.

Мистер Холмс жестом пригласил нас войти в его кабинет, где я сидела на коричневом бархатном диване, пока отец и мистер Холмс беседовали. Я чувствовала, что мистер Холмс за мной наблюдает, но не поднимала глаз.

Я кашлянула, и отец оглянулся на меня.

— Хочешь подождать снаружи, Теа?

На самом деле это не было вопросом, и я вышла в зал. С того места, где я стояла, мне были видны накрытые к следующему приему пищи столы. Завтра утром тут будут сидеть девочки. Сотни девочек. Мне страстно хотелось оказаться где-нибудь в другом месте.

Я повернулась к двери кабинета мистера Холмса и увидела на стене фотографии, которые почему-то не заметила раньше. Это были снимки лошадей, на которых сидели девочки. Я подошла ближе и начала читать подписи, выгравированные на желтых медных табличках, которые были прикреплены под каждым снимком. Коснувшись одной из табличек, я ощутила кончиками пальцев крохотные слова. На каждой табличке были выгравированы кличка лошади и имя девочки, под которыми значилось: *«Первое место, весенний турнир»* и год. Самые первые фотографии были сделаны еще в конце XIX столетия. С того времени лошади практически не изменились, но первые девочки сидели в дамских седлах, стиснув коленки, и их ноги бесполезно болтались сбоку. Ход времени сказался и на качестве фотографий, и в девичьих именах, а также в их одежде и прическах (волосы постепенно становились все короче). Как много людей прошло через это место! На последнем снимке была запечатлена высокая девочка верхом на гигантской лошади. У девочки были очень светлые, почти белые волосы и точеные аристократические черты лица. Рядом с ними мужчина, вручающий награду, казался карликом. *«Леона Келлер, — значилось под фото, — верхом на Кинге, первое место, весенний турнир, 1930»*.

Возле двери в кабинет мистера Холмса я заметила маленький столик с мраморной столешницей, на котором лежали две аккуратные стопки брошюр. «*Конный лагерь для девочек Йонахлосси*, — прочитала я на обложке брошюры, лежащей сверху в одной из стопок. — *Отдых и верховая езда для юных леди с 1876 года*». Под этими напечатанными курсивом словами была фотография улыбающихся девочек в белых блузках и белых юбках. Каждая держала за повод лошадь. Все лошади насторожили уши. Их внимание явно привлекло что-то позади камеры.

Сначала я подумала, что брошюры во второй стопке были устаревшими версиями первой. На обложке верхней брошюры была помещена фотография, судя по всему, всех воспитанниц лагеря, выстроившихся рядами и восторженно уставившихся в объектив. «*Конная школа для девочек Йонахлосси*, — гласила подпись, сделанная тем же замысловатым шрифтом. — *Образование для юных леди с 1902 года*».

Голоса за дверью кабинета мистера Холмса стали звучать громче, и я поспешно отошла к окну и поднесла руку к стеклу. Мой большой палец закрыл от меня половину горного хребта. Вид был просто потрясающим. Я никогда ничего подобного не видела. Флорида была плоской и жаркой, а из этого окна я смотрела на шиферно-серые горные пики, поросшие деревьями. Их вершины были скрыты тучами, такими низкими, что они никак не могли быть обычными облаками. Облака, к которым привыкла я, парили высоко в небе.

Несмотря на всю тягостность ситуации, я была способна оценить открывшуюся моему взору красоту.

Меня поселили в доме Августы. Здесь все дома были названы в честь родственниц основателей лагеря: дом Мэри, дом Спайви, дом Минервы. Мистер Холмс повел нас с отцом через Площадь. Я плелась, чуть приотстав от мужчин, уклоняясь от необходимости поддерживать разговор. Высокий и сухопарый мистер Холмс возвышался над отцом, который не отличался

внушительными размерами. За последние месяцы Сэм очень вытянулся и даже перерос отца. «Возможно, он сейчас обедает, — подумала я. — А может, с обедом уже покончено. Может, на нем до сих пор его привычная одежда: шорты и льняная рубашка на пуговицах». В таком костюме переносить зной было легче. Летом мы никогда не носили одежду с длинными рукавами, но в Атланте, несмотря на жару, все мужчины были в строгих костюмах. Когда мистер Холмс вместе с отцом вышел из кабинета, на нем уже был пиджак.

Отец шел быстро, чтобы не отставать от мистера Холмса. Ему явно хотелось держать руки в карманах, но он то и дело инстинктивно вынимал их — для равновесия.

«Узнала бы я затылок отца в толпе?» — спрашивала я себя. Я наверняка узнала бы затылок Сэма, его густые жесткие волосы, которые мама по привычке пыталась пригладить каждый раз, проходя мимо него.

Мистер Холмс открыл дверь в дом Августы и вошел первым. Но прежде чем войти, он обернулся и ободряюще мне улыбнулся. Я услышала, как он сообщает девочкам, что к ним пришли гости. Когда пару секунд спустя в домик вошли мы с отцом, пять девочек неподвижно стояли возле двухъярусных кроватей, заложив руки за спину. В помещении было довольно темно, а единственным источником света был газовый рожок на стене. Мне показалось странным, что мистер Холмс, будучи взрослым мужчиной, вошел в домик, где жили девушки, не постучав. Но они явно знали, что он придет. «Что еще они знали?» — спрашивала я себя.

— Это Теодора Атвелл. Она приехала к нам из Флориды.

Девочки дружно кивнули, и меня охватила паника. Они все делают одновременно? Разве я смогу под них подстроиться?

— А это, — произнес мистер Холмс, кивками указывая на девушек слева направо, — Элизабет Гиллиам, Гейтс Уикс, Мэри Эбботт Мак-Клиллан, Виктория Харпен и Эва Луиза Крейтон.

— Очень приятно, — пробормотала я, и девушки слегка наклонили головы.

Элизабет, которую представили мне первой, первой же зашевелилась и нарушила этот странный порядок, за что я была ей безмерно благодарна. Теперь я видела, что это просто девочки. Такие же, как я. Она заправила за ухо прядь пепельно-русых волос и улыбнулась. Улыбка вышла немного кривоватой, но Элизабет показалась мне вполне доброжелательной. Мне понравились ее синие глаза. Они были у нее широко посажены. Как у лошади. Я решила, что буду называть ее Сисси¹.

Стоя посреди этого тускло освещенного домика, в котором так сильно пахло деревом, я спрашивала себя, что привело сюда каждую из этих девушек. Или кто их сюда привез? В распоряжении каждой из нас была верхняя или нижняя половина двухъярусной кровати, крошечный шкафчик, умывальник, письменный стол и туалетный столик. Наши воспитательницы жили в отдельном домике, так что здесь девочки были предоставлены самим себе. Я взяла отца за руку, надеясь, что девочки не сочтут этот жест чересчур детским. Он неожиданно крепко сжал мои пальцы, и я поняла, что это правда — он и в самом деле намеревается оставить меня здесь. Я высвободила руку и шагнула вперед.

— Мне здесь нравится.

Отец поцеловал меня в щеку и неуклюже прижал к себе прямо на виду у всех этих девчонок. Моя грусть сменилась острым ощущением неловкости. Мистер Холмс деликатно отвернулся. А потом мужчины ушли, а я осталась стоять посреди комнаты, окруженная девочками. Мне было ужасно страшно. Я знала, что такое страх. Он пронизывал мой мозг всякий раз, когда я впервые исполняла новые, все более высокие прыжки. Но тот страх был всегда сопряжен с ощущением радости.

Сейчас я смотрела на непроницаемые лица этих девушек, а они смотрели на меня, и мне было так страшно, как никогда в жизни. Я никуда не могла уйти и полагаться теперь могла толь-

¹ Сисси (Sissy) — уменьшительное от имени Элизабет, но также имеет значения «девчушка», «сестренка». (Здесь и далее примеч. пер.)

ко на себя. Я хотела скрестить руки на груди, но потом инстинкт подсказал мне не делать этого. Я не хотела, чтобы хоть одна из них догадалась, что я боюсь.

— Теодора? — переспросила хорошенькая девушка с пышными формами, и я вспомнила, как ее зовут: Эва.

— Теа, — обронила я. Но в моей семье было не принято так говорить. Я откашлялась. — Теа — это уменьшительное имя.

— Это радует. — Эва улыбнулась. — Твое полное имя трудно выговаривать.

Я колебалась, пытаюсь понять, не насмехается ли она надо мной. Но тут она похлопала по одной из нижних кроватей:

— Это — для тебя. Ты мой низ.

Сисси засмеялась. Я вздрогнула.

— Ты когда-нибудь спала на двухъярусной кровати? — спросила она. — Я тоже сплю внизу. Наверху лучше, но ты приехала так поздно...

Я указала на свой чемодан, который уже стоял в ногах моей нижней кровати. Тыканье пальцем считается дурным тоном. Я была уверена, что теперь меня сочтут невоспитанной, но предпочитала это необходимости объяснять свое позднее появление.

— Мой чемодан уже здесь, — сказала я.

— Его принес один из рабочих, — вступила в разговор Мэри Эбботт.

У нее был высокий и ломающийся голосок.

— Не тот, который красивый, — добавила Эва, и Сисси снова засмеялась.

Гейтс, писавшая что-то за столом (письмо? мне было любопытно, кому она пишет), обернулась, и стало ясно, что ей этот разговор не нравится.

— О Гейтс! — вздохнула Эва. — Не будь такой серьезной. Мы просто болтаем. — Эва томно повернулась ко мне. Она вообще двигалась так, как будто ее ничто в этом мире не заботило. — Здесь есть два разнорабочих. Один из них очень красивый. А второй... Ну, ты сама увидишь.

Я почувствовала, что меня бросило в жар, и, чтобы скрыть это от девчонок, поспешила подойти к своей кровати. Вообще-то я краснела по малейшему поводу. Я занялась своим чемоданом, а спустя пару секунд заметила, что все переодеваются в ночные сорочки. Переоделась я стремительно. Еще ни одна девочка не видела меня голой. Мама видела, но она не была девочкой. Раздеваясь, я позаботилась о том, чтобы никто не заметил вышитого платка. Если бы мои соседки заметили, что я прячу под одеждой кусок ткани, принадлежавшей моему брату, они сочли бы меня маленькой. Или, и того хуже, странной.

У нас у всех были совершенно одинаковые ночные сорочки (мою заранее положили на кровать, предназначавшуюся для меня). Они были сшиты из мягкой хлопчатобумажной ткани, имели V-образный вырез и доходили до середины икры. Над левой грудью, а точнее над сердцем, была вышита монограмма из букв «К», «Л» и «Й». У ночной сорочки, которую я привезла с собой, были длинные рукава с кружевными манжетами и вырез под горло. И длиной она была до самых щиколоток. Она бы меня тут же выдала. Мама сказала, что в лагере носят форму и поэтому мне не понадобится много вещей. Дома это сообщение привело меня в ярость. Со мной будут обращаться, как со всеми остальными! Но теперь я была этому рада. Я же не знала, что у меня неправильная сорочка!

Девочки начали парами выходить из домика — сначала Эва и Сисси, потом Гейтс и Виктория, и вот остались я и Мэри Эбботт. Мне пришлось идти за ней. Мне не хотелось спрашивать, куда мы идем, но я не утерпела.

— В уборную. Я понимаю, о чем ты думаешь: почему у нас нет туалетов в домиках? — произнесла Мэри Эбботт. Она заговорщически понизила голос и продолжила: — Считается, что это идет нам на пользу. — У нее был южный выговор. У мистера Холмса тоже был акцент, но я не могла понять какой. Он говорил отрывисто, чеканил, а то и проглатывал слова, в отличие от всех обитательниц дома Августы. Если сравнивать со всеми

этими девочками, у меня вообще не было акцента. — По крайней мере, тут есть и канализация, и водопровод. Мы даже ванну можем принимать.

Я кивнула, не зная, какой реакции ожидает от меня Мэри Эбботт. У меня дома всегда были и закрытая уборная, и водопровод, и ванная комната.

Мы встретили возвращавшихся в домик Эву и Сисси, а также пары других девочек, направлявшихся в свои дома. В ночных сорочках мы напоминали привидения, и я возненавидела и это место, и этих девушек. Эта ненависть стала моим первым отчетливым ощущением с момента приезда в Йонахлосси. Я плотнее укуталась в наброшенную на плечи шаль и возненавидела свою мать.

Уборные сверкали чистотой, и я возблагодарила Всевышнего уже за это. Я не стала дожидаться Мэри Эбботт и поспешила обратно, стараясь ни с кем не встретиться взглядом. Когда мы проходили мимо Эвы и Сисси, я по их улыбкам поняла, что мне не стоит сближаться с Мэри Эбботт. Я уже лежала в постели, когда Мэри Эбботт вошла в домик. Она долгое мгновение смотрела на меня, и мне показалось, что взгляд у нее был тоскливым. Почему? Мы ведь познакомились меньше часа назад. Но тут в домик вошла какая-то девушка. Она была слишком взрослой, чтобы быть одной из воспитанниц, и слишком юной, чтобы ее можно было назвать женщиной. Она едва взглянула на девочек, но при виде меня кивнула:

— Теодора Атвелл. Я вижу, ты уже устроилась. Я рада.

С этими словами она выключила свет.

— Спокойной ночи, девушки, — обратилась она ко всем сразу и вышла.

— Спокойной ночи, Хенни, — хором ответили мои соседки.

После этого девочки сонным шепотом пожелали друг другу спокойной ночи. Я думала, что с этим покончено, как вдруг раздался голос Эвы.

— Спокойной ночи, Теа, — прошептала она, и другие девочки ее поддержали.

Літературно-художнє видання

ДІСКЛОФАНІ Ентон

Вершниці

Роман

(російською мовою)

Головний редактор С. С. Сляр
Завідувач редакції К. В. Шаповалова
Відповідальний за випуск О. В. Трефілова
Редактор В. М. Комісарова
Художній редактор Н. В. Переходенко
Технічний редактор А. Г. Верьовкін
Коректор О. О. Сквирчинська

Підписано до друку 19.04.2013.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Alliance». Ум. друк. арк. 21,84.
Наклад 15 000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
у державному видавництві «Преса України»
03047, м. Київ, просп. Перемоги, 50

Литературно-художественное издание

ДИСКЛОФАНИ Энтон

Наездницы

Роман

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Е. В. Шаповалова*
Ответственный за выпуск *Е. В. Трефилова*
Редактор *В. М. Комиссарова*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *Е. А. Сквирчинская*

Подписано в печать 19.04.2013.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Alliance». Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 15 000 экз. Зак. № .

ООО «Книжный клуб
«Клуб семейного досуга»»
308025, г. Белгород, ул. Сумская, 168

Отпечатано с готовых диапозитивов
в государственном издательстве «Пресса Украины»
03047, г. Киев, пр. Победы, 50

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

129110, г. Москва, пр. Мира, 68, стр. 1-А
тел. +7 (495) 688-52-29
+7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ДОНЕЦК

ООО «ИКЦ «Кредо»»
83096, г. Донецк, ул. Куйбышева, 131-Г
тел. +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92, +38 (062) 348-37-86
e-mail: fenix@kredo.net.ua
www.kredo.net.ua

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

«Книжный Клуб

«Клуб Семейного Досуга»»

61140, г. Харьков-140,
пр. Гагарина, 20-А
тел./факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

КИЕВ

ЧП «Букс Медиа Тойс»

04655, г. Киев, пр. Московский, 10-Б, оф. 33
тел. +38 (044) 351-14-39,
+38 (067) 572-63-34,
e-mail: booksmt@rambler.ru

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЛП Савчук Ю.Д.

69057, г. Запорожье, ул. Седова, 18
тел. +38 (050) 347-05-68
e-mail: vega_center@i.ua

Одесское

подразделение

65063, г. Одесса, ул. Армейская, 8-В
тел. +38 (048) 776-07-67
e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 22-25-25
e-mail: order@flc-bookclub.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Tea було лише п'ятнадцять, коли батьки відправили її до закритої престижної школи верхової їзди для дівчат, розташованої в горах Північної Кароліни. Героїня опиняється в суспільстві, де правлять гроші, краса й обдарованість, де дівчат переконують: важливо здобути освіту і життєво необхідно вийти заміж до двадцяти одного року. Ця історія — про дівчину, яка намагалася втілити свої мрії...

Дисклофани Э.

Д48 Наездницы : роман / Энтон Дисклофани ; пер. с англ. Е. Боровой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2013. — 416 с.

ISBN 978-966-14-5196-3 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2424-2 (Россия)

ISBN 978-1-594-48640-1 (англ.)

Tea было всего пятнадцать, когда родители отправили ее в закрытую престижную школу верховой езды для девушек, расположенную в горах Северной Каролины. Героиня оказывается в обществе, где правят деньги, красота и талант, где девушкам внушают: важно получить образование и жизненно необходимо выйти замуж до двадцати одного года. Эта же история — о девушке, которая пыталась воплотить свои мечты...

УДК 821.111(73)

ББК 84.4США